

Если это последнее, то ещё ничего, но если первое, то император, несомненно, разгневан на их госпожу. И те, кого отправили во дворец Вэйян, были ли они посланы следить за ней или же император действительно сожалеет о Вэнь Вань?

Вэнь Вань тоже размышляла над сложившейся ситуацией, но, как бы то ни было, она не могла взять на себя вину, о которой говорил Жуань Цзицин.

С красными от слёз глазами она опустила брови и сильно закашляла, её лицо выражало глубокую печаль:

— Господин Жуань, слова императора я понимаю, но как императрица я обязана напомнить императору...

Её слова были прерваны весёлым голосом Жуань Цзицина:

— Император велел мне спросить, так ли императрица напоминает? Прежде чем отправиться во дворец Жэньшоу, знали ли вы, что произошло? Если и знали, то видели ли это сами или лишь слышали от других? Без реальных доказательств, за что же вы просите прощения?

С тех пор как Вэнь Вань вышла замуж за Ци Цзюньму, её никогда не допрашивали так настойчиво. На мгновение её сердце смутилось.

Жуань Цзицин не стал ждать её ответа, он оглянулся назад:

— Вы проводите госпожу во дворец и впредь служите ей усердно.

Затем он слегка поклонился Вэнь Вань и, развернувшись, ушёл.

Когда он ушёл, Юй Тао с мрачным лицом поднялась и подошла к Вэнь Вань, называя её госпожой.

Она не испытывала ни капли симпатии к оставшимся слугам, опасаясь, что среди них могут быть шпионы, и ещё больше беспокоясь, что император питает недоверие к императрице.

В глазах Вэнь Вань мелькнуло раздражение. Прерванная Жуань Цзицином, она временно потеряла возможность избавиться от обвинений.

Конечно, раньше она могла бы встать на колени перед чертогом Цяньхуа и просить прощения.

Но теперь она вдруг перестала понимать, что задумал Ци Цзюньму, и не решалась действовать опрометчиво.

Вэнь Вань была куда хитрее Юй Тао, в её глазах читалась глубина. Она подняла взгляд, снова закашлялась, её лицо было печальным, а голос мягким:

— Эти люди — дар императора, отведите их во дворец и хорошо обустройте.

Юй Тао уловила намёк в её словах, опустила голову в знак согласия и, поддерживая её, медленно направилась обратно во дворец Вэйян.

Ци Цзюньму, выслушав доклад Жуань Цзицина, остался доволен. Люди, которых он подарил Вэнь Вань, были выбраны случайно из числа слуг внутреннего двора, но с её подозрительным характером она наверняка решит, что среди них есть его шпионы. В будущем она будет действовать с ещё большей осторожностью и постоянно играть роль.

Думая об этом, Ци Цзюньму рассмеялся.

С хорошим настроением и сон стал крепче.

Этой ночью снова пошёл снег, Ци Цзюньму не видел снов и проспал до самого времени утреннего приёма.

Было очень холодно, и он не хотел идти на приём, но, так как приближался конец года, двор должен был завершить дела перед закрытием печатей, и оставалось лишь уладить последние вопросы перед началом нового года.

Новый год станет полностью его, Ци Цзюньму, годом.

В оставшееся время года нужно было поскорее разобраться с делами.

Ци Цзюньму, сопровождаемый Жуань Цзицином и слугами, отправился на приём. Сидя на холодном троне, он принял поклонение чиновников. Едва он позволил им подняться, как из рядов вышел старый цензор Ши, чтобы представить доклад.

Чиновники из цензорского управления никогда не пользовались благосклонностью императора, император Цзин особенно не любил их, иногда даже публично ругал за излишнее вмешательство, так что в годы Юнхэ один из цензоров даже ударился головой о колонну в зале приёмов, чуть не погибнув.

Ци Цзюньму, став императором, оказался более терпимым. Даже если слова цензоров были неприятны, он сдерживался и выслушивал их.

Это обрадовало чиновников цензорского управления, которые решили, что теперь они могут стать зеркалом для императора и обессмертить свои имена.

Цензор Ши был самым старшим среди цензоров и самым искусным в чтении настроений.

При императоре Цзин он мог молчать на приёмах несколько дней подряд, не привлекая внимания. Но, увидев, что новый император стремится к хорошей репутации, он стал активно выступать на приёмах, рассказывая о любых, даже самых незначительных делах, за что в народе получил прозвище «Цензор Ши — чистое небо».

Увидев, что цензор Ши вышел вперёд, Ци Цзюньму испытал сложные чувства. Этот старик был практичным и знал, когда отступить. В прошлой жизни он недолго терпел его, пока тот не заболел, и тогда Ци Цзюньму оставил его дома.

По расчётам, это случилось через два-три месяца.

Цензор Ши, заметив, что император сегодня не в духе, собрался с мыслями, опустился на колени и, дрожа от волнения, произнёс:

— Ваше Величество, я обвиняю дом маркиза — усмирителя Севера в превышении полномочий.

Вопрос о превышении полномочий был сложным, поскольку всё зависело от настроения императора.

Ци Цзюньму заинтересовался:

— Говори.

Он знал, что у этого старика была привычка: если дело было пустяковым, он говорил неуверенно, но если было что-то серьёзное, то его слова звучали твёрдо.

Сейчас он говорил с уверенностью, значит, семья Шэнь попала в его сети.

Цензор Ши выпрямил спину:

— Ваше Величество, семья Шэнь построила для маркиза — усмирителя Севера Шэнь И могилу, превышающую по размерам и высоте даже могилы членов императорской семьи. Вчера я спросил об этом наследника Шэнь, но он нагло заявил, что это было ваше указание, и если я недоволен, то должен спросить у вас.

В конце его голос дрожал от обиды и презрения. Разве в таком очевидном случае превышения полномочий нужно спрашивать императора? Как цензор, он обязан следить за чиновниками, и лучше всего было обвинить их прямо на приёме.

Ци Цзюньму, услышав это, потерял интерес. Лениво ответил:

— Я знаю об этом. Маркиз — усмиритель Севера защищал северные рубежи, и лишь после смерти был удостоен титула маркиза. При жизни он не получил ни одной награды, так что посмертные почести вполне оправданы.

Цензор Ши, да и все чиновники, были поражены.

Император явно защищал Шэнь Няня, хотя обычно Ци Цзюньму строго относился к военной власти и всегда подавлял семью Шэнь, особенно Шэнь Няня. Непонятно, почему его отношение так резко изменилось.

Цензор Ши собирался что-то добавить, но, услышав слова императора, сразу изменил своё мнение:

— Если это разрешено вами, то у меня больше нет вопросов.

Но его молчание не означало, что другие также промолчат.

Едва цензор Ши хотел уйти, как молодой цензор вышел вперёд, опустился на колени и громко заявил:

— Ваше Величество, ваша забота о семье Шэнь — это милость, но такой прецедент нельзя создавать. Если в будущем все будут поступать так же, как семья Шэнь, то где же будет ваш авторитет? Разве не скажут, что вы боитесь вмешиваться, потому что семья Шэнь обладает военной властью? Прошу вас обдумать это.

Слова цензора повисли в тишине.

В этой тишине Ци Цзюньму вдруг рассмеялся. Его смех был негромким, но ледяным. Все чиновники услышали, как он холодно спросил:

— Я помню, вы вступили в должность в девятый год Юнхэ. Скажите, произносили ли вы хоть раз такие пламенные речи перед моим отцом?

Молодого цензора звали Гуань Хань. Вопрос императора заставил его покраснеть, и он не знал, что ответить. При императоре Цзин он каждый день молился, чтобы тот не обратил на него внимания, и не смел лишний раз открыть рот.

И не только он, все в зале приёмов думали так же.

Были те, кто пытался изменить мнение императора Цзин, но чем это заканчивалось? Ударившись о колонну, их сразу уносили и снимали с должностей, и если их семьи не пострадали, то это уже была милость императора.

У чиновников была негласная договорённость насчёт императора Цзин, и теперь, когда Ци Цзюньму нарушил её, Гуань Хань почувствовал себя крайне неловко.

Ци Цзюньму, сидя на высоком троне, смотрел на чиновников с суровым выражением лица:

— Встаньте. Это не ваша вина, вина в том, что я не такой решительный, как мой отец. Я знаю, что многие из вас думают так же. Вы видите, что я только что взошёл на престол, и считаете, что я молод и слаб.

Эти слова были серьёзными. Даже если чиновники так думали, сейчас они не могли согласиться.

Все опустили на колени, прося прощения и говоря, что заслуживают смерти. Линь Сяо был среди них. Он был обеспокоен и озадачен, не понимая, что случилось с Ци Цзюньму, что так резко изменило его характер.

Такое поведение на приёме не улучшало его репутацию.

Линь Сяо беспокоился, но Ци Цзюньму знал это. Однако сейчас он чувствовал только удовлетворение. Глядя на чиновников, склонивших головы и не знающих, о чём думать, он ощущал лишь холод.

Эти люди были теми, на кого он опирался, они управляли Великой Ци. Они зависели от него, но не считались с ним, у каждого были свои планы.

<http://bllate.org/book/16626/1521973>